

**КОТЭ МАХАРАДЗЕ: «ИСКРЕННЕ
ЦЕНЮ КРАСИВУЮ ИГРУ»**

22 мая
1983 года

4 страница

Можно было бы описать одну из первых репетиций «Анны Карениной» в Грузинском государственном театре имени К. Марджанишвили: слабо освещенную сцену, затянутую зеленым сукном, как старинный канцелярский стол, и размеренно прошаживающегося по ней Алексея Александровича Каренина в кожаном пиджаке, желтых штиблетах и кепке с пуговкой — простуженного, страдающего и непреклонного, со скрипучим, тихим голосом, полным металла...

А можно было бы рассказать об атмосфере долгого, неспешного, по-тбилиски насмешливого и по-тбилиски же внимательно к собеседнику разговора в маленьком домике на тихой улице Сумбатов-Южина — в доме, где живет большая и талантливая семья, три поколения грузинских актеров, и где на весь дом раскатывается характерный, знакомый миллионам людей мужской и мужественный, несколько даже громокопящий голос...

Можно было бы... Но лучше сразу приступить к интервью с актером Театра имени К. Марджанишвили, народным артистом Грузинской ССР, лауреатом Государственной премии Грузинской ССР имени К. Марджанишвили, известным теле- и радиокомментатором Котэ МАХАРАДЗЕ.

КРУГ ЗНАКОМСТВ

**КОММЕНТАРИЙ
К КОММЕНТАРИЮ**

— Котэ Иванович, как сплетались спорт и искусство в вашей судьбе?

— Это началось еще в детстве, когда я учился в прославленной тбилисской школе — до революции она называлась «Первая мужская гимназия». Назовите почти любое имя, составившее славу грузинской культуры, и я скажу, что человек этот учился в нашей школе. Николоз Бараташвили и Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и Владимир Немирович-Данченко, Александр Сумбатов-Южин и Григор Орбелиани — все они выпускники Первой гимназии. А в мое время... Классом младше меня учился народный артист СССР Зураб Анджапаридзе. Со школьных лет мы дружны с ним, как и с народным артистом республики Нодаром Андгуладзе, с композитором Отаром Гордели, с журналистом-международником Малором Стурра. И вообще из моего класса вышло шесть народных артистов Грузии.

И все мы любили спорт. Нашу школу окончил, например, первый советский олимпийский чемпион по вольной борьбе Давид Цимакурдидзе, многие другие прославленные атлеты. У нас была, скажу прямо, отличная баскетбольная команда. А в футбол за сборную школы я играл вместе со ставшим впоследствии мастером спорта международно-го класса Автандилом Пайчадзе, младшим братом знаменитого Бориса Пайчадзе, некогда капитана и тренера тбилисского «Динамо».

И сам я два года выступал за баскетбольную команду этого общества, был капитаном юношеской сборной Грузии — и мы выиграли однажды Кубок СССР. Вы смотрите на меня с удивлением — дескать, ростом маловат? Конечно, по нынешним меркам, 180 сантиметров это немного, но тогда баскетбол не стал еще игрой гигантов. 191—192 сантиметра — это был уже центровой. Так что на амплуду защитника я вполне годился. Помню, как-то раз мне довелось опекал самого Константина Травина-старшего из легендарного в ту пору московского «Строителя». Ему было 39 лет, мне — 21 год, и за счет того, что я был существенно моложе и несколько проворнее, я, кажется, справился...

Словом, в юности мне было не так уж легко сочетать спорт и искусство: баскетбол и учебу в театральном институте. Кстати, о том, что спортсменам, мол, делают поблажки в вузах. Наш ректор и мой педагог, грозный Акакий Алексеевич Хорава, узнав о том, что мне нужно поехать в другой город на игру, воскликнул: «Что?! Будет пропускать — пусть лучше бросает то или это!». И пришлось мне уйти с баскетбольной площадки. К сожалению. Я думаю, что при большом желании можно сочетать и занятия, казалось бы, несочетаемые. Делаю же я это теперь...

— А как случилось, что вы стали комментатором?

— Был в Грузии замечательный комментатор Эроси Манджгаладзе — мой коллега по сцене, мой товарищ по любви к спорту, просто мой старший друг. Недавно он умер. И всякий грузин тяжело вздыхает, когда слышит имя Эроси — до такой степени ценили его наши болельщики. Манджгаладзе был настоящим однолюбом, его спортивные симпатии раз и навсегда были отданы футболу. И вот в 1956 году в Грузию приехали баскетболисты из США — мужская и женская команды. Примерно в ту же пору у нас стало активно развиваться телевидение. Возникла идея о баскетбольном репортаже. Попросили Эроси, но он отказался наотрез. «Идите», — сказал он, — к Котэ. Он и сам играл в баскетбол, да и язык у него подвешен как будто неплохо...». (Строго говоря, я тогда давно уже преподавал в театральном институте сценическую речь).

Мне предложили, но я поначалу засомневался. К тому же мне было известно, что уважаемый мною Вадим Синявский обронил как-то: «Баскетбол комментировать нельзя — слишком быстрая игра». И тогда я решил попробовать эксперимент. Поехал на тренировочный матч сборной республики, сел на трибуне на самом верху и стал бормотать про себя некий «набросок» комментария. Лишь когда убедился, что успеваю за игрой, дал согласие. Некоторые мои друзья до сих пор считают, что тот первый мой репортаж так и остался лучшим.

Через четыре дня состоялся обычный календарный матч по футболу «Зенит» —

«Динамо» (Тбилиси). Эроси был болен, и пришлось мне взять микрофон. Мои земляки выиграли со счетом 4:0, и болельщики решили, что я принес удачу нашей команде. С тех пор, как ни забавно, мнение это только укрепилось. Во всяком случае, репортажи обо всех играх на Кубок кубков вел я. А по-русски я комментирую с 1960 года. Дело было в Ташкенте, куда я приехал, чтобы передавать репортаж для нашей республики. Вдруг буквально за час до судейского свистка выяснилось, что не смог прибыть Синявский, а другого комментатора не было. И хотя мой грузинский акцент вызывал у работников телевидения известные сомнения, меня пригласили. Почти весь матч я говорил по-грузински, а за 15 минут до конца перешел на русский. Обошлось, знаете ли... С тех пор вел репортажи на русском языке с пяти чемпионатов мира по футболу.

— Хотел бы задать вам трудный вопрос: о беспристрастности спортивного комментатора...

— А я хотел бы спросить: знаете ли вы хоть одного абсолютно беспристрастного человека?

— Пожалуй, нет...

— Я тоже. Известная доля субъективности и составляет отличие одного человека от другого, делает неповторимой индивидуальность, окрашивает личность. Надеюсь, никто не возражает против права спортивного комментатора быть личностью? Другое дело, как соотносятся объективность и пристрастность в спортивном репортаже. Тут нужна твердая человеческая, если хотите, гражданская позиция, тут необходимо выверенное чувство меры.

Есть такая прекрасная поэма Важа Пшавела «Гость и хозяин», в основу которой положен конфликт между двумя древнейшими грузинскими обычаями: гостеприимством и возмездием обидчику. Герой поэмы погибает, защищая от односельчан их общего врага, пришедшего в его дом как гость. Понятие «гость» священно для каждого моего земляка. И почему же я, не скрывающий своей многолетней любви к тбилисскому «Динамо», должен вести себя некорректно в адрес какой-то другой команды, приехавшей к нам в город на игру? Да я лучше от всего сердца порадоюсь любому успеху соперников и отмечу любую промах тбилисцев!

Во всех прочих случаях речь может идти, насколько мне позволено судить, скорее о темпераменте, нежели о пристрастности. Впрочем, для грузина я, пожалуй, довольно уравновешенный человек...

Есть еще одно близкое к нашей теме соображение. Как актер и как человек, много летряду смотрящий футбольные матчи, я искренне ценю красивую игру. И если Олег Блохин, Ринат Дасаев, Хорен Оганесян, Андрей Якубик, Александр Чивадзе — любой игрок любой команды проявит на поле волю к победе, вдохновение, мастерство, я не могу удержаться, чтобы не воскликнуть: «Какая прелесть!».

— Когда вы сидите дома и смотрите футбольный матч по телевизору, убираете ли вы звук?

— Вы хотите спросить: что может мне, опытному комментатору, дать репортаж кого-то из моих коллег? Я слушаю комментарий, может быть, внимательнее других телезрителей. В начале нынешнего сезона я по болезни не смог вести репортаж с первого товарищеского матча сборной СССР и тбилисского «Динамо». Комментировали игру мои молодые, одаренные коллеги Джамлет Хухашвили и Нугзар Джугели (каждый — по одному тайму). Я слушал их и, поверьте, чему-то учился, а по поводу чего-то и критиковал их потом, при домашнем анализе.

Впрочем, самый жесткий и суровый домашний анализ начинается, когда я после матча возвращаюсь мысленно к тому, что видел на поле и что говорил в микрофон...

**Интервью вел
В. СЕРЕГИН.**

Фото В. Первенцева.